

Серьезные
отношения

Ярослава А.

Ярослава А

Серьезные отношения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785731
0101*

Аннотация

За все надо платить.

Молодой преподаватель Полина хорошо выучила эту жизненную науку.

Ее счастье – тихая, серая, ничем не примечательная жизнь, работа с любимыми учениками и кот – единственный мужчина в ее жизни, к которому она хочет быть привязанной.

Вот только с этим не согласен другой мужчина, внезапно возникший из ее прошлого и с которым так много связано в настоящем.

Он из тех, кто будет добиваться женщину. Потому что именно с ней хочет серьезные отношения.

Содержание

Глава 1 Поля	4
Глава 2 Андрей	14
Глава 3 Поля	22
Глава 4 Андрей	31
Глава 5 Поля	38
Глава 6 Андрей	48
Глава 7 Поля	58
Глава 8 Андрей	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Серьезные отношения

Автор: Ярослава А

Глава 1 Поля

Серьезные отношения

В кабинете директора опущены жалюзи. Кондиционер работает на полную мощность, рассекая ледяным воздухом небольшое душное пространство.

Едва май вступил в свои права, как на город надвинулась небывалая жара, и в классе, несмотря на распахнутое настежь окно, работать невыносимо.

Я невольно вдыхаю эту обманчивую свежесть и убираю с лица прилипший и влажный от пота локон волос. Хорошо...

– Полина? Проходи, – раздается голос Анны Олеговны.

Судя по звонким нотам в ее голосе, директор порядком взвинчена, и разговор не обещает быть легким.

– Присаживайся. – Анна Олеговна кивает на удобное кресло и, устало сняв очки, внимательно смотрит на меня. – Полина, я хотела поговорить с тобой о твоём ученике. О Максиме Макарове.

Ну, конечно! Я могла бы и раньше догадаться, о чем пойдет речь. Чем ближе конец учебного года, тем чаще мы с Анной Олеговной ведем беседы о Максиме Макарове.

Всю плешь уже мне проела! Интересно, что на этот раз директриса поведает новенького?

– Снова приходила его мама? – с трудом скрывая едкое раздражение, интересуюсь я.

– Проходила. Жалобу на тебя накатала. – Директор протягивает мне белый лист А4. – Полюбуйся.

Пробегаю глазами по строчкам, с трудом разбирая корявый, словно детский, почерк мамы Максима, и с ледяным спокойствием смотрю на Анну Олеговну.

– Ничего нового.

– А мне что прикажешь делать?! Истерику тут закатила! На всю школу орала, будто мы ее дитяtko тут забили! Грозилась в отдел образования пойти жаловаться. Нам только проверки перед концом учебного года не хватает для полного счастья! Влепи ты ему уже тройки, и пусть дальше учится!

Я внимательно посмотрела на Анну Олеговну, отмечая темные тени под глазами, опущенные уголки губ, морщины вокруг обычно живых голубых глаз. Болезнь никого не красит. Прекрасно понимаю, что сейчас ей не до этих тупых разборок. У нее и так проблем выше крыши, но и уступить не могу.

Что бы там ни писала неадекватная мамаша Макарова, никто ее дитяtko не обижает. Я, несмотря на явные проблемы, в учебе и поведении Максима, отношусь к нему довольно хорошо, хотя это очень непросто.

Максим – «трудный» ребенок, с особенностями развития.

Если бы истеричная мама думала не о себе, а о нем, то не стала бы отдавать шестилетнего ребенка в первый класс. А уж такого, как Максим, и вовсе подержала бы дома до восьми.

Не мне ее судить, но, блин, как же хочется!

Я сама по себе человек неконфликтный, и разозлить меня – это надо постараться. Но эта дамочка – Ева Аркадьевна – и святого до греха доведет. Истеричка, одним словом.

– Анна Олеговна, я все понимаю, но не могу. Поймите: он не тянет программу общей образовательной школы. У Максима явно психологические и неврологические проблемы, которые Ева Аркадьевна предпочитает не замечать. Он не читает толком, с трудом пишет, не может усидеть на месте и сосредоточиться на простейших задачах. Если бы это был первый класс, можно было бы еще обсудить, выстроить для ребенка индивидуальную программу на лето, позаниматься дополнительно, а так... я не знаю, как с ним работать дальше. И дело даже не в том, что он тормозит класс. Ему самому очень тяжело дается обучение. Из-за этого и его проблемы в поведении.

Директриса молчит, понимая, что я права.

– Я посоветовала Еве Аркадьевне перевести мальчика в коррекционный класс. Там ему было бы легче.

– Полин, – вздохнула женщина, внимательно и строго глядя мне в глаза, – Ты пойми, что если мама Макарова пойдет жаловаться дальше, то все это может плохо закончиться, и в

первую очередь для тебя. Ты знаешь, кто ее родители?

Конечно, знаю. Их семейку тут не знает только глухой. Потомственные чиновники, почти что олигархи. Ума не приложу, почему они свое младшее чадо не отдали в элитную школу в городе, а ограничились нашим скромным лицеем. Видать, мамаше тяжело тащить свой прелестный зад в такую даль.

Умом понимаю, что нельзя так думать, но не могу! Бесит!

– Ты перспективный молодой преподаватель, Полина Геннадьевна, но если разразится скандал, которого и добивается мама Максима, построить карьеру станет в разы сложнее.

Это, типа, тонкий намек, что меня уволят из лицея, если я упрусь рогом.

– Хорошо, – покорно соглашаюсь, понимая тщетность дальнейших уговоров.

Пустая трата времени, коего у меня и так нет.

Мне нужна эта работа, а Еве Макаровой нужен не ребенок, а вундеркинд.

Что ж, пускай и дальше тешит себя иллюзиями.

Ребенка только жалко.

Огромная нагрузка на и так нестабильную психику Максима.

– Спасибо, Полин, за понимание. Нам обеим не нужны проблемы с семейством Кутовых, – вкрадчиво произносит она и сменяет тему: – Ты не закончила еще со своим планом мероприятий на май?

– Сегодня пришлю вам на почту.

– Отлично! – уже более бодрым голом восклицает она и поворачивается к монитору компьютера, давая понять, что разговор окончен.

Из кабинета Анны Олеговны выхожу, устало опустив плечи.

У меня сколиоз, и от постоянного напряжения часто болит грудной отдел позвоночника. Лучше бы я выучилась на преподавателя физкультуры. Но кто ж знал, что я вообще соберусь работать по профессии?

Поднимаюсь в свой класс и, присаживаясь за стол, решительно придвигаю к себе стопку с тетрадями. Нужно все это проверить до завтра.

Где-то на половине стопки понимаю, что голова уже ничего не соображает, и решаюсь сделать небольшой перерыв. Подхожу к распахнутому окну, потягиваюсь, со стоном разминая затекшую шею, и в этот момент раздается негромкий деликатный стук.

Оборачиваюсь – в дверях стоит мужчина в полицейской форме.

– Полина Геннадьевна? – Густой низкий голос ударяет по нервам, заставляя их натянуться в узнавании.

– Да.

– Есть минутка пообщаться?

Он, кажется, не спрашивает, а утверждает, твердым шагом переступая порог класса и усаживаясь на парту, прямо

напротив учительского стола.

Если в первые мгновения я растерялась и занервничала от одного вида человека в погонах, то теперь постаралась взять себя в руки и посмотреть прямо на него.

Узнал ли он меня?

Кажется, нет.

Все же цвет волос и изменившаяся фигура могут изменить человека до неузнаваемости.

– По какому вопросу? – гляжу прямо на него и медленно усаживаюсь напротив.

Демонстративно надеваю очки и открываю следующую тетрадь для проверки.

– Я – Андрей Александрович Макаров, отец Максима.

Понятно...

С моих губ чуть не срывается мученический стон.

Да, что ж сегодня за день-то такой?

Не твой – точно, Абрамова.

С трудом натягиваю на лицо дежурную улыбку и, отложив красную ручку, говорю:

– Приятно познакомиться, Андрей Александрович. Вы, вероятно, хотите поговорить о Максиме?

– Да. Я вас отвлекаю?

– Нет, что вы! – С трудом удерживаюсь от едкого сарказма. – Просто мой рабочий день уже окончен. Вы бы позвонили заранее.

Живые, цепкие глаза мужчины, внимательно разглядыва-

ют меня и, кажется, подмечают любые мелочи: и уставший вид, и выбившиеся из прически светлые локоны, и испачканный акварельными красками манжет белой блузки.

– Извините, – деловито отвечает он, – Но коль уж я здесь, может, расскажете мне, что за история такая с переводом в коррекционный класс?!

О, как! Жenuшка уже пожаловалась!

Странно то, что раньше я папу Максима на родительских собраниях не наблюдала.

Что заставило его забеспокоиться о будущем сына сейчас?

– Я неоднократно передавала свою профессиональную позицию вашей супруге...

– Бывшей, – обрывает он меня на полуслове.

– ...вашей бывшей супруге о том, что Максим на данном этапе не тянет общеобразовательную программу.

– Как такое возможно?! Что значит – мой сын не тянет программу?! Может, вы недостаточно с ним занимаетесь?!

Я печально вздыхаю и перевожу взгляд на окно.

Какие бы ни были у меня приятные воспоминания об Андрее, сейчас его поведение, мягко сказать, некорректно. Чем он отличается от своей истеричной бывшей жены?

– Скажите, Андрей Александрович, часто ли вы видите с Максимом?

– А какое это имеет отношение к его успеваемости? – раздраженно отвечает вопросом на вопрос мужчина.

– Самое что ни на есть прямое. Вы хоть раз делали с ним

уроки?

Макаров молчит, тяжело сопя.

Понятное дело, что не делал. После развода мужчины обычно пытаются элегантно самоустраниться из жизни бывших жен и скинуть все обязанности по воспитанию чад на женщину.

Нахожу среди стопки тетрадей ту, в которой работает на занятиях мальчик, и протягиваю ему:

– Посмотрите, это то, как занимается ваш сын, а это, – подталкиваю ему еще тетрадь, – работа другого мальчика. Не отличника.

Несколько минут Андрей Александрович внимательно изучает их и поднимает на меня тяжелый, давящий взгляд.

– И что вы хотите этим сказать? Что мой ребенок отсталый?

– Я бы не стала вешать на Максима ярлыки, Андрей Александрович! – чересчур резко обрываю его я. – У вашего сына есть определенные проблемы с поведением, восприятием материала, усидчивостью. Большая из них связана с тем, что вы слишком рано отдали его в школу. Остальные я не берусь выяснять, так как это не мой профиль. Я учитель, а не психолог.

– При чем тут психолог? – Он явно злится, но сдерживает себя.

– У Максима проблемы со вниманием и доверием. Он очень закрытый, бывает, даже агрессивный ребенок, – тер-

пеливо объясняю я. – На такой сложной почве любой не сможет усваивать преподаваемый материал, тем более, ребенок, которому так сложно сосредоточиться.

– И что вы предлагаете?

– Свои предложения я уже высказала Еве Аркадьевне. На мой взгляд, тут нужна длительная работа квалифицированного невролога, психолога и репетитора, который подтянет ребенка по школьной программе.

– А почему вы не можете его подтянуть? – тут же парирует Макаров.

– Потому что, Андрей Александрович, у меня еще двадцать шесть учеников в классе, и если я буду заниматься со всеми индивидуально, то перейду на круглосуточную работу.

Несколько мгновений мужчина сверлил меня неприязненным взглядом, а после кивнул каким-то своим мыслям и бросил:

– Я вас понял. Сколько?

– Что, простите? – мне показалось, что я ослышалась.

– Сколько вы хотите, чтобы я вам заплатил?

От шока у меня даже язык отнялся.

Оборотень в погонах предлагает взятку учителю начальных классов?!

Что за идиотизм?!

Вот правильно говорят, что муж и жена – одна сатана!

Вместо того чтобы прислушаться и заниматься с ребен-

ком, он пытается откупиться деньгами, словно ими можно решить все проблемы.

– Поверьте, это лишнее, – несмотря на клокочущую внутри ярость, спокойно отвечаю я. – Максима я переведу в третий класс. Спасибо за это можете сказать Анне Олеговне. А теперь, если на этом все, то я бы хотела завершить наш разговор. Время, сами понимаете, позднее.

Лицо Андрея каменеет, и он медленно поднимается из-за стола.

– Всего вам доброго, Полина Геннадьевна, – не сказал, а будто выплюнул слова.

– И вам удачного вечера, – устало выдохнула в ответ, не отводя взгляда.

А едва за ним захлопнулась дверь, положила голову на руки.

Как же я устала!

Глава 2 Андрей

Из здания школы я вышел во взвинченном состоянии.

Остановился под большим цветущим ватной дрянью тополем и, выудив из кармана пачку сигарет, зажигалку, прикурил и чуть не застонал от наслаждения.

Боже, какой кайф!

Глупая эта была затея – попытка бросить курить.

Если начал этим заниматься в пятнадцать, в тридцать четыре уже поздно что-то менять.

Сразу после первой затяжки мозги прояснились, и я стал соображать, как быть дальше.

То, что Евка упустила сына, я понял еще в прошлом году, когда тот начал без всякой веской причины закатывать скандалы с истерическими припадками. В эти моменты Макс так похож на бывшую, что невольно хочется сбежать подальше. Но Макс – ребенок, мой сын, а не тупая баба, на которой я по глупости когда-то женился. И ведь не мальчишка был, а все равно так вляпался!

Повелся на смазливое личико, фигурку. Что ни говори, а Ева красивая баба. Даже сейчас, когда ее лицо утратило прелесть юности, мужики смотрят ей вслед. И я их понимал...раньше, пока не пожил с ней полгода.

На улице уже стало заметно темнее, когда я, затушив бычок, собрался сесть в машину, и тут звонкий цокот каблуч-

ков по тротуару заставил меня повернуть голову.

И не зря: учительница Макса неспешной походкой топала к остановке.

Среднего роста, тонкая, как тростинка, Полина Геннадьевна притягивала взгляд сдержанной, даже немного высокомерной красотой.

Эдакая Снежная королева!

Холодный взгляд голубых глаз и высветленные до неестественного блонда волосы только усиливали это сравнение, а колючий взгляд пробирал до мурашек.

Интересная она. Очень...

– Полина Геннадьевна!

Учительница обернулась и её брови удивленно поползли вверх.

– Андрей Александрович? Вы что-то еще хотели?

– Давайте я вас подвезу. – Подошел ближе, внимательно глядя в ее странные и усталые глаза.

– Спасибо, но не стоит утруждаться, – покачала головой она. – Я живу рядом. Вам только пустые хлопоты.

Обиделась, значит. Ну-ну!

– Мне не сложно, – возразил я, нагло оскалившись.

Женщины обычно это любят, но, очевидно, не эта.

– Я в магазин по пути зайду, – просто и без капли кокетства отшила. – До свидания.

Я даже не успел опомниться, а она уже повернулась в поспешила к пешеходному переходу, перебегая дорогу на ми-

гающий зеленый.

Шуэтра!

К кому же спешит Снежная королева?

Кольца на пальце не приметил. Хотя в наше время это не показатель.

Я что, всерьез об этом размышляю? Нашел, к кому клеиться, дурень!

Забрался в гостеприимный салон своей «Тойоты» и привычно завел двигатель. Вот эта малышка лучше всех женщин! Почти не капризничает, мало ест и не устраивает скандалов.

Выехал на дорогу и, проезжая мимо остановки, высматриваю Полину.

Напоминает она мне кого-то, кого я знал раньше. Не могу вспомнить...

Есть что-то знакомое в этой ее манере держаться. Что-то хрупкое, надломленное, то, что прячется под невозмутимым видом опытного педагога.

Ни фига она не опытная, но работу свою любит.

Я поначалу записывал, когда она начала про Макса рассказывать, да все по полочкам раскладывать. А потом дошло, что правду говорит. Да неприятную. Но, а когда она иной бывала?

Меня сейчас больше всего волнует, как теперь быть.

Нужно принимать какие-то меры. И если у моей бывшей не хватает мозгов нормально заняться ребенком, то это при-

дется сделать мне.

Признаюсь, больно уколол меня этот училкин выпад про задания.

Сколько я провожу в месяц времени с сыном?

День? Два? А бывает, и того не выходит?

Привык, что Ева дитём занимается.

Назанималась, курица!

Ведь знал же, что ей можно только лак для ногтей доверить, но не стал бороться за право Макса жить со мной. Да и мелкий он тогда был совсем. Что бы я с ним делал, особенно с моей-то работой, когда могут и ночью сорвать, и в выходной день?

Была бы жива мать – помогла. А так...

В кармане завибрировал телефон – бывшая наяривает.

– Алло.

– Ну что?! – сразу же накинулась с вопросами она. – Поговорил?

– Поговорил.

– И?..

– Ничего. Переведет она его дальше.

– Ну, слава Богу! – вздыхает Ева. – А-то я уж думала, папу подключить придется.

– Ты, Евка, «доподключаешься» так, что Макса из школы выпрут. Каким местом ты вообще думала, когда жалобы строчила?!

– Но я же должна была что-то делать, пока ты вечно занят!

– Этим ты добилась только того, что настроила Полину Геннадьевну против Макса. Умнее от этого наш сынуля не стал. И не станет, если ты не начнешь нормально заниматься с ребенком.

– Не смей меня упрекать! – взвизгнула женщина, – Ты нас бросил и ни капли не помогаешь в его воспитании! Я одна бьюсь за его благополучие, пока ты своей жизнью занимаешься.

– А ты, значит, хочешь, чтоб наоборот было? – усмехнулся я, – Давай, я не против. Собери Максу вещи, я сегодня за ним заеду и заберу его на неделю.

– Нет-нет! А как же школа?

– Разберусь.

– Но...

– Ева, я сейчас заведу через двадцать минут, и чтобы Макс был собран. И вещей ему положи не так, как в прошлый раз. Чтоб на неделю хватило.

– На неделю?! – ошарашенно выдохнула женщина. – А как ты его возить будешь?!

– Нормально, Ева! – Я потерял терпение. – Не на санках же, а на машине. Тут езды меньше часа. Ничего страшного не случится. Считай, что у тебя отпуск.

Больше слушать причитания бывшей я не стал и нажал отбой до того, как она завалила меня вопросами.

Ева удивительно глупая женщина, но : в этом и есть ее сила.

К сожалению, глупость и наглость очень часто отлично сочетаются в одном человеке.

К дому бывшего тестя я подъехал, как и было уговорено.

Разумеется, никто меня особо тут не ждал, и Макс оказался совершенно не собранным.

– Папа! – кинулся ко мне с порога Макс, а бывшая, что стояла в этот момент рядом чуть заметно поморщилась.

– Привет, – смерила она меня недовольным взглядом. – Подожди здесь. Я сейчас вещи принесу.

Понятно. Царское семейство Кутовых в сборе, и мою физиономию мамаша Евки видеть не желает. Это у нас с ней взаимно, поэтому я не особо рвусь за порог.

Похожу во дворе, покурю, а заодно заброшаю Аркадию Палычу окурками газон.

Шучу, конечно.

Через полчаса, когда я уже успел порешать по телефону немало рабочих вопросов и даже неофициально допросить свидетеля, наконец, звонко цокая каблуками, выползла Ева, а за ней – нагруженный портфелем Максим.

– Я с вами поеду, – заявила бывшая, грациозным движением откидывая волосы назад.

– Зачем? Не припомню, что приглашал тебя в гости.

– Посмотрю, чем ты Макса будешь кормить, куда положишь. Насколько я помню, у тебя был жутко неудобный диван. В твоей... квартире слишком мало места для такого энергичного ребенка.

– Дома я его держать сутками не собираюсь. Диван у меня давно новый, и я совершенно не горю желанием на нем сегодня лицезреть тебя, потому что у тебя найдется сотня причин, чтобы остаться.

Бывшая недовольно поджала губы, но была вынуждена уступить.

Слишком больно ударила по ее самолюбию высказанная мною правда. Мы уже столько лет в разводе, а она все не оставляет попыток вернуть меня.

Зачем ей это надо?

Черт ее знает! Тем более что мужики вокруг нее вертятся всегда хоровами. Один только я теперь брезгую.

– У тебя даже нет автокресла, – пеняет она мне, когда усаживает Макса на заднее сиденье.

Я уже не отвечаю. Это бессмысленно.

А автокресло и вправду надо купить.

Едва мы отъезжает от дома тестя, я смотрю на Макса, который прилип к окну.

– Чем сегодня займемся? Мне Полина Геннадьевна сказала, что много уроков вам задала.

– Ты знаешь Полину Геннадьевну? – удивился сын.

– А как же!

– Круто. Правда, она красивая?! – Лицо мальчика озаряет улыбка.

– Красивая, – соглашаюсь я, мысленно давая себе пинка под зад.

Дети очень хорошо чувствуют отношение к себе взрослых. Если бы Полина, как говорит бывшая, и правда третиговала Макса, я бы сейчас не слушал о том, какая она добрая и хорошая.

– Она тебе нравится? – подмигиваю сыну.

Ему всего восемь, но он уже многое понимает.

– Она всем мальчишкам нравится. Когда я вырасту, то обязательно женюсь на Полине Геннадьевне! – заявляет он с очень серьезным видом.

– Прости сын, – качаю головой я. – Она за тебя не пойдет, если ты дальше будешь так плохо вести себя на ее занятиях.

Макс примолкает, видимо, чуя, что разговор свернул на опасную для него тему.

– Как тебе такой вариант: сейчас заедем за пиццей, потом – домой, делать задания. Полина Геннадьевна оценит.

– Так поздно уже.

Гляжу на часы. Время – десятый час.

– Тогда, просто поедим пиццы.

– Ура!!!

Глава 3 Поля

Дома меня, как обычно, никто не ждет.

Переступаю порог своей крошечной однокомнатной квартиры и, вслушиваясь в тишину, облегченно выдыхаю.

Я привыкла к этому старому, чуть нафталиновому запаху, который мгновенно проникает в ноздри, стоит переступить порог. Последний раз в этой квартире делали ремонт лет тридцать назад – не меньше.

Меня давно не пугают старые, выцветшие обои на кривых стенах, допотопные краны, еще советского производства. Работают, и хорошо.

Мне тут спокойно.

Почему-то именно здесь я чувствую себя дома, хоть эта квартира и не принадлежит мне.

Я ее сняла у одной пожилой женщины, что живет в соседнем доме. Она ее давным-давно покупала для дочери. Только дочь выросла, выучилась и уехала работать в Москву. У нее там, вероятно, все сложилось, иначе Тамара Сергеевна не сдала бы мне ее на столь длительный срок.

Здесь я живу вот уже три года. И за все это время поменяла только диван. И то только потому, что старый совсем развалился.

Привычно скрипнули полы на кухне, когда я поставила пакет с продуктами на стол и пошла умываться.

Здесь все тоже старое, но чистое, а мне большего и не надо, тем более, когда живешь на скромную зарплату учителя младших классов.

Холодная вода приятно освежила лицо и смыла с косметикой остатки неприятного дня.

Достал меня все же этот Андрей Александрович! До трясушки!

Там, на школьной парковке, мне на мгновение показалось, что он все же меня узнал. Что-то такое проскользнуло в его взгляде. А потом пропало.

И непонятно, то ли мне стало легче от этого, то ли наоборот. Слишком больно кольнуло разочарование.

Ай-ай-ай, гражданин начальник! А как же ваша профессиональная память!

Хотя, с другой стороны, с чего бы ему меня помнить?

Мы виделись всего несколько раз, и я проходила не по его делу, а то он бы точно запомнил мою фамилию.

Переодевшись в удобный халат, готовлю быстрый и полезный ужин из легкого овощного салата и пары куриных стейков. Готовить я умею, но уже давно это не делаю. Смысл, если кроме меня некому оценивать кулинарные шедевры?

Постель встречает меня приятной прохладой.

На удобном матрасе и спать удобно, но сейчас я отчего-то мечусь, не зная, как найти то удобное положение, в котором быстро усну.

А все из-за него! Из-за этого Макарова!

Как наяву, перед глазами мелькают картины нашей последней встречи, и я не понимаю, как могло так получиться, что именно они оставили такое яркое впечатление.

Осень в тот год выдалась холодная, промозглая. Городские улицы щедро хлестало дождем вперемешку с мокрым снегом.

Я, слишком легко одетая для пеших прогулок, медленно брела по тротуару, кутаясь в тонкое пальто, пряча в карманы ледяные пальцы и думая... о многом...

От больницы до остановки не так уж и много идти. Здесь для таких, как я, специально поставили остановку.

По оживленному проспекту снуют бесконечные машины, и я останавливаюсь у обочины. Жду, когда загорается зеленый человечек, и быстро, насколько могу, перебегаю дорогу, боясь, что автобус на той стороне тронется с места, и тогда мне придется еще долгих минут пятнадцать стоять, сгибаясь под порывами ледяного ветра.

Внезапный визг шин и резкий сигнал заставляют меня ошарашенно замереть посреди переходного перехода. Буквально в миллиметрах от меня затормозила черная блестящая «Тойота», а в следующую секунду из нее выскочил водитель, громко матерясь.

– Ты что, больная – под колеса кидаться?!

Я поднимаю глаза и смотрю на мужчину так, словно привидение увидела.

– Эля? – Его глаза быстро осматривают меня от кончика

покрасневшего носа до дрожащих рук, – Садись в машину.

– Но...

– Садись, я сказал!

В «Тойоте» приятно пахнет освежителем воздуха, а еще немного – сигаретами. Видно, что хозяин курит в салоне, но тщательно ухаживает за тачкой.

Я пристегиваюсь и зажимаю ладони между коленями, чтобы побыстрее согреться.

– Сейчас подогрев включу, – бормочет Андрей, тычет кнопку подогрева сиденья, и машина плавно трогается с места. – Ты так и не ответила на вопрос: чего под колеса кидаешься?

– Я не зеленый шла, – тихо отвечаю, глядя в окно.

– Шла она! – бурчит мужичина в ответ. – А по сторонам смотреть не учили?

Молчу. Не думаю, что ему требуется мой ответ.

– Тебя куда подбросить?

Интересный вопрос! Если бы я сама знала...

Ловлю на себе его пристальный взгляд и невольно ежусь от неприятно чувства: он видит меня насквозь.

– На вокзал. – Обхватываю себя за плечи и отворачиваюсь к окну. – Мне на электричку успеть надо.

– Уехать хочешь, – хмыкает он, уверенно лавируя в потоке машин, – Понимаю...

Достает из кармана куртки телефон, и пока мы стоим на очередном светофоре, что-то внимательно изучает, а потом

говорит.

– Только ко мне заскочим. На минуточку. И я тебя потом подброшу. Ага?

Я растерянно киваю в ответ, но внутренне напрягаюсь, когда буквально на следующем повороте «Тойота» сворачивает в проулок.

Боже, я об этом мужчине знаю только то, что он майор полиции и зовут его Андрей!

– Пошли. Кофейку выпьешь, – кивает он в сторону подъезда.

– Может, я все же сама доберусь? – нервно говорю в ответ. – Неудобно как-то...

Он понимающе усмехается, отчего в уголках глаз резко образуются морщины.

– Да не трясись ты, Элька! Не съем я тебя. Не в машине же тебе сидеть?

Вероятно, жизнь все же ничему меня не учит, потому что я все же иду следом за ним, в его небольшую квартиру-студию на четвертом этаже, снимаю с себя промокшее пальто и замираю, совершенно не представляя, как себя вести.

– Проходи на кухню. – Хозяин кивает в сторону кухонной зоны. – Чайником пользуйся смело.

В квартире у майора бардак. Причем сразу видно, что он тут многолетний.

Слой пыли на подоконнике, засохший комнатный цветок в плошке и немытые тарелки в раковине. Одна кружка, вил-

ка и одна тарелка. На плите стоит сковорода, на которой, вероятно, сегодня утром жарили яичницу.

Набираю воды в чайник прямо из-под крана, включаю и, заметив еще одну кружку на столе, щедро сыплю туда растворимый кофе с ложкой сахара.

Присаживаюсь.

Блин, у него даже стул на кухне один!

– Разобралась? – Он выходит из ванной и открывает холодильник. – Даже угостить тебя нечем. Мышь повесилась.

– Я не голодна, – почти шепотом отвечаю я, обхватив руками кружку с кофе.

– А с виду не скажешь, – подмигивает он. – Сейчас доставку организуем.

Тычет в телефоне, явно заказывая еду, а я в этот момент чувствую себя так неловко, что уши начинают просто пылать от смущения.

– Андрей, не нужно. Мне, правда, ехать надо. – Поднимаю на него глаза. – Домой...

Он опускается на корточки возле меня так, что наши глаза теперь на одном уровне.

– Боишься меня?

Не отвечаю. И так все понятно.

– Зря. Я хоть и не совсем честный, а девушек не обижаю. Мне просто помочь тебе захотелось. Просто. По-человечески. Хорошая ты, Элька. Добрая.

Не знаю, из каких соображений он сделал этот вывод, и

узнавать не собираюсь.

– А домой – это правильно. Ты молодая. Все у тебя в жизни сложится.

Ему, конечно, лучше не знать, что дома у меня этого нет. Что придумала его.

Мой друг Димка всегда говорил, что понаглее надо быть, особенно, если люди сами помочь хотят. Поэтому собираюсь с духом и выдыхаю:

– Если, и правда, помочь хочешь, помоги добраться до старой моей квартиры. Там у меня кое-какие документы остались.

– Думаешь, пасти могут?

Киваю в ответ, а зама дыхание затаила. Жду.

– Давай, – улыбается. – Мне не сложно. Побуду твоим крестным рыцарем на сегодня.

– Спасибо... Андрей.

Он кивает и продолжает улыбаться, а мне отчего-то не верится в его бескорытность. Слишком свежо воспоминание о том, как он с легкостью сгребал со стола Кирилла крупные купюры, не забывая при этом тискать выделенную ему на этот вечер девицу из скромной подтанцовки нашего клуба.

Все самые важные документы в виде паспорта и медицинского полиса я всегда ношу с собой. В скромной комнате в общежитии, где я обитала до того, как стала жить с Кириллом, у меня не так уж и много вещей. По крайней мере, за-

брать тут особо нечего, кроме старого ноутбука и новых зимних сапог. Уж они-то мне точно пригодятся.

Самое главное, что я собиралась забрать – это деньги и диплом об окончании педагогического института. Не думаю, что он мне понадобится, но чем черт не шутит...

– Все? – Андрей топчется возле двери.

– Все, – уверенно отвечаю я и без сожаления закрываю дверь, словно перечеркивая несколько лет своей прошлой жизни, что были прожиты зря.

Он без слов забирает у меня полупустую спортивную сумку и кивает в сторону машины.

Я послушно сажусь в салон и украдкой наблюдаю за майором.

Симпатичный он мужик, видный. Если бы не все те обстоятельства, при которых мы познакомились, я наверняка бы им заинтересовалась. То, что он мной заинтересовался, видно невооруженным взглядом.

Садится в машину и смотрит на меня с лукавой улыбкой.

– Ну, что?! Поехали, доедим твой вкусный салат? Я жутко проголодался.

А сам смотрит на мои губы и думает явно не о еде.

Не знаю, что он читает в моих глазах, в тот момент я судорожно сглатываю и киваю, но это дает ему знак, наклониться чуть ниже.

Я замираю, когда теплое дыхание Андрея касается кожи щеки. Он как-то даже неловко ищет мои губы, перебирает

пальцами не мытые после больницы волосы и нежно гладит их.

Совершенно неожиданно и обезоруживающе! Так что я не сопротивляюсь, хотя и могу оттолкнуть его в любой момент. Наши губы соединяются лишь на миг, в быстром, коротком, почти невесомом поцелуе, и Андрей с шумным выдохом отстраняется. Как ни в чем не бывало заводит машину и бросает:

– Заедем в супермаркет за вином? Ты какое любишь?

– На твой выбор, – слишком устало, чтобы анализировать, отвечаю я.

«Тойота» тормозит у магазина.

– Я быстро, – говорит он и уходит.

Несколько долгих мгновений я провожаю глазами его фигуру в кожаной куртке, а потом быстро хватаю с заднего сиденья свою сумку и покидаю гостеприимный салон машины.

Прости, Андрей, но это все слишком!

Иду на остановку.

Он не станет меня искать, преследовать: не такой он человек.

Глава 4 Андрей

Последние пять-шесть лет я привык довольствоваться малым.

Меня устраивает моя не самая лучшая, не самая спокойная и не самая прибыльная работа. Тех денег, что я зарабатываю, вполне хватает на нормальную жизнь.

Выворачивать наружу финансовое дно городского предпринимательства довольно скучное занятие, но и эта работа покажется раем после нескольких лет рабства в отделе за контролем по обороту наркотиков.

В экономической безопасности тоже полно всяких неприятных тем, но должность начальника отдела позволяет мне скидывать все самое поганое на своих шестерок и вести более или менее спокойную жизнь. Чаще общаться с друзьями, видаться с сыном и хоть как-то наладить свою личную жизнь.

После бывшей я долгое время довольствовался лишь случайными связями, искренне считая, что бабы – это зло, почти как наркотики. С ними плохо, а без них еще хуже. С иглы под именем Ева я соскальзывал долго, мучительно – со скандалами, истериками и битьем драгоценных фарфоровых сервизов. Бывший тесть мне тогда тоже нервы потрепал. Хоть моя служба была не его сферой влияния, но даже тут он успел подложить свинью, да так крепко, что меня чуть из полиции не поперли с позорным клеймом на всю жизнь.

Благо, тогда нужные люди в самый ответственный момент неожиданно заступились, за что я по сей день расплачиваюсь, оказывая небольшие любезности, что выходят за рамки моего служебного положения.

И вот после всего этого дерьма Евка хочет наладить отношения?!

Нет уж, увольте!

Путь ее папашка ищет другую кандидатуру, кому сбегать это потасканное сокровище. Я дурак был, не думаю, что сильно поумнел, но второй раз на те же грабли наступать не собираюсь.

Благо, Ольга, моя теперешняя подруга, если и не разделяет мои жизненные взгляды, то относится к ним лояльно. Многого не требует, и регулярные встречи без далеко идущих планов ее более чем устраивают.

– Привет, Оль! – говорю в трубку, когда на другом конце слышится удивленный женский голос.

– Макаров, ты дни недели попутал? Сегодня не суббота.

– Вот такой я непостоянный! – со смешком отвечаю я и моментально представляю себе ее сдержанное любопытство. – Я к тебе по делу.

– Если опять за своих красавчиков будешь просить, то это без меня. Я в прошлый раз чуть инфаркт не схлопотала, когда ко мне в кабинет две криминальные рожи завалились!

– Нет, Оль, это личное. – Мой взгляд упал на сына, который снова залип в планшете, – Нужен грамотный детский

врач.

– Тебе? – хихикнула она. – Макаров, ты сегодня бьешь все рекорды по неординарности!

– Да, мне, – раздраженно бросил я. – И давай без лишней информации, Оль.

– Ладно, поняла. Какой именно тебе врач нужен?

Тут я замялся с ответом, пытаюсь припомнить все то, что мне втирала учительница Макса.

– Невролог и психолог. У меня у сына проблемы в школе. Нужна консультация.

Ольга на мгновение задумалась и потом ответила:

– Хорошо. Я поговорю со знающими людьми и перезвоню тебе завтра.

Иногда полезно иметь в любовницах врача.

– Спасибо, Оль. Только ты предупреди человека, что мы без документов будем. Мне нужна неофициальная беседа.

– Андрей, я, конечно, все понимаю, но без документов тебе не смогут выписать даже направления на обследования. Это не все так просто, как тебе кажется.

– Оль, не учи меня. Я сам потом разберусь. Хорошо?

Она не стала спорить. Одно из самых ценных качеств в этой женщине – это умение не быть навязчивой.

– Ты в субботу как? – как бы вскользь спрашивает она, попутно записывая данные Макса. – Все в силе?

– Да, – бросаю еще один взгляд на сына – тот все смотрит какое-то дебильное видео. – Только у меня сейчас ребенок.

– Все нормально. Мы отлично ладим с Максимом.

Это она с Максом ладит, а он с ней как-то не очень.

– В субботу к нам придет тетя Оля, – говорю сыну, садясь рядом на диван и пытаюсь понять, что вообще он смотрит.

– Угу, – мычит он, не отрываясь от экрана.

– Макс, ты не мог бы отложить свой гаджет?

Ноль эмоций. Словно со стеной разговариваю.

– Эй, пап! Отдай! – тут же щерится он, когда я выхватываю у него планшет и убираю на верхнюю полку. – Это мое. Мне мама купила!

– Вот, значит, я маме завтра отвезу «это» обратно, чтобы ты не забивал себе голову всякой ерундой. Ты уроки сделал?

– Сделал! – нагло врет он.

– Так же, как и вчера?

Молчит, злобно сопя. Чувствую, сейчас будет истерика. Уж что-что, а повадки мамы он копирует просто гениально!

– Неси дневник! – рывкаю на него, но тот даже и не двигается с места. Наоборот, огибает меня с твердым намерением забрать гаджет себе обратно.

– И куда это ты собрался?

– Этой мой планшет. Ты не имеешь права! Понял?

Ярость все сильнее закипает в крови, и я усилием воли заставляю себя успокоиться, сажусь на диван и ровно отвечаю на выпад:

– Ладно, но потом не жалуйся матери, что Полина Геннадьевна тебя не любит. Выходит, она тебя за дело ругает, а ты

наговариваешь. Разве это мужской поступок?

Он останавливается и агрессивно смотрит на меня.

– Я не жалуясь!

– Из-за тебя Полину Геннадьевну чуть не уволили. Все-го-то из-за того, что ты не можешь оторваться от планшета и сделать нормально задание. На уроках ты так же себя ведешь?

Я уже в курсе того, что Ева разрешает ему брать телефон на учебу, где он самым бессовестным образом им хвастает и включает его прямо на уроках.

Макс ничего не отвечает. Уходит на кухню.

Какое-то время слышатся вопли его тупых мультиков, а после он возвращается, но уже с дневником.

– У меня только не очень по русскому получается.

Смотрю на него и понимаю, что мне предстоит долгий вечер, а еще через час и вовсе возникает желание убиться об стенку.

У него не только с русским проблемы. У него со всем проблемы.

Теперь я начинаю лучше понимать, о чем говорила учительница, и то беспокойство, что я чувствовал еще вчера, флегматично наблюдая, как мой сын с горем пополам выводит свои каракули, ничто по сравнению с тем, когда я осознал, что не могу объяснить ему простейшее задание.

Он постоянно отвлекается, вертится, переспрашивает по десять раз, витает в облаках. Делает все что угодно, но только

не слушает, что ему объясняют.

Еще через час понял: нервы мои не выдержат больше, и я сорвусь на крик.

– Все. Иди спать.

Макс обрадовался, снова прихватил планшет и завалился с ним в обнимку на диван, оставив мне собирать его портфель.

Как будто так и надо.

Я убью эту тупую курицу при следующей встрече!

Хотя и сам хорош, признаю. Папаша...

Если бы не Полина, так бы и продолжал думать, что у меня ребенок гений, а бывшая и дальше вешала лапшу на уши мне и всем окружающим.

Собственно, на окружающих мне плевать, но будущее Макса волнует, и очень сильно. Может, я не самый хороший отец на свете, но сына люблю и хочу для него самого лучшего.

На следующий день привез Макса в школу пораньше.

Тот, зевая и бурча, что не выспался, поплелся к воротам школы, на ходу пиная сумку со сменкой.

«Балбес!» – мысленно усмехнулся я, замечая, что чем старше сын становится, все больше внешне начинает походить на меня.

И характеры у нас схожие. Правда, в моем случае все было гораздо проще, быть может, потому, что я рос с полной семье.

На этой мысли меня всегда жалит отвратное чувство вины, но я терплю, как и терпел все эти годы.

– Доброе утро, Андрей Александрович! – внезапно раздаётся за спиной знакомый голос.

Обернулся и не без удовольствия уставился на Снежную королеву, что смотрит на меня с непонятным укором.

– Доброе, – рассеянно отзываюсь, не зная, как реагировать на ее взгляд.

– Вы слишком рано привели Максима. Он сейчас один стоит под дверью.

– Я как-то об этом не подумал.

Есть в этой женщине нечто такое, что выводит меня из равновесия.

Сегодня она выглядит еще более уставшей, чем вчера. Светлые волосы собраны в пучок, следы легкого макияжа не могут скрыть синяков под глазами, отчего голубые глаза кажутся еще более пронзительными, а четко очерченные скулы – еще острее.

– Полина Геннадьевна, мы с вами, случаем, нигде не встречались раньше?

Глава 5 Поля

Ночь выдалась бессонная.

У меня такое бывает временами. Мысли всякие в голову лезут, и уснуть никак не получается. Еще не начало светать, когда усталость, наконец, сморила меня, но едва закрыла глаза, как за дверью послышался тихий скулеж.

Хвост приперся.

Дома животных я не держу, хотя несколько раз порывалась завести собаку.

Вроде бы, и хочется, но в последний момент что-то словно останавливает.

Хвост – обычный дворовой кот, который гуляет сам по себе. Захочет – придет, захочет – уйдет. Я позволяю ему иногда оставаться, а он позволяет его кормить.

Мы с ним похожи в нашем обоюдном желании не слишком привязываться друг к другу.

– Ну, чего тебе? – пробурчала я, когда открыла дверь.

– Мя-я- а-а! – протянул тощий огрызок серой шерсти и с хозяйским видом, подняв трубой облезлый хвост, прошествовал на кухню.

– Я тебя кормить сегодня не собиралась, – заявляю этому наглецу, складывая руки на груди. – Вот где тебя черти носили всю неделю? Я уж хотела другого себе кота завести.

На самом деле, Хвост очень умное животное. Все пони-

мает, просто делает всегда по-своему. Вот и сейчас, чуя, что дело пахнет керосином, принялся изображать ласкового котенка и тереться об ноги.

– Подлиза противная! – беззлобно ругнулась я и полезла в холодильник за остатками овсяной каши.

Наевшись, Хвост сворачивается на кухонном стуле клубочком и мирно засыпает, а я бросаю взгляд на часы – полпятого утра. А есть ли смысл теперь ложиться?

На работу собралась пораньше. Коль не судьба поспать, значит, есть шанс быстро с утрачка доделать сегодня задание Анны Олеговны.

Неспешно, наслаждаясь утренней прохладой, иду от остановки к школе и замечаю знакомый автомобиль – черную «Тойоту» с блатными номерами.

Какой все же позер этот Макаров!

Сбавляю шаг, чтобы наблюдать любопытную картину: наш доблестный майор привез ребенка.

Очаровательно!

Он бы его еще в шесть утра учиться отправил!

Глухое раздражение и какая-то иррациональная обида за Макса терзают мне сердце.

Казалось бы, ну какое мне дело?

Чужой ребенок. Из обеспеченной семьи. Другим, вон, есть нечего, а я о нем переживаю. Быть может, потому, что вижу сидящий в нем иной голод. Эмоциональный.

Я довольно наблюдательна и замечаю, что Макс относится

ко мне с уважением, я бы даже сказала – с симпатией. При том, что я специально стараюсь не выделять его из класса, чтобы у него не было причин еще больше зазнаваться.

Подхожу ближе, огибаю автомобиль Макарова и здороваюсь.

Мужчина оборачивается и сначала смотрит на меня несколько удивленно. Затем взгляд его меняется и становится уже оценивающим.

Сомневаюсь, что он смог найти меня интересной в скучном сером брючном костюме и со следами бессонной ночи на лице.

Это еще сильнее подстегивает мое раздражение. Клубок противоречивых эмоций закручивается все сильнее, заставляя разговаривать с ним резче обычного.

Андрей вдумчиво смотрит на меня своими темными глазами и с живым интересом спрашивает:

– Полина Геннадьевна, мы с вами, случаем, нигде не встречались раньше?

На мгновение я теряюсь. Сердце заходится в бешеном ритме, на миг перехватывает дыхание.

Он, кажется, нутром чувствует мою тщательно скрываемую реакцию, секундную заминку, в течение которой я борюсь с ярким выбросом адреналина в кровь.

– Не припомню вас в прошлом году на родительском собрании, – уклончиво отвечаю я. – Возможно, на первое сентября? Такой хлопотный день! Всего и не упомнишь.

– Я имел в виду, до этого... до школы...

Встречаю его прямой взгляд, с трудом выдерживая его почти гипнотическое давление, и отвечаю:

– Не припомню, Андрей Александрович. – И тут же, чтобы не дать возможности повиснуть неловкой паузе, перехожу в наступление: – Вы, кстати, не забыли, что завтра у нас родительское собрание?

– Какое собрание? – хмурится он.

– Очередное. Разве вы не видели сообщение в общем чате?

Он машинально достает из кармана телефон, разблокирует сенсор, но тут до него доходит:

– У меня нет общего чата. За этим обычно Ева следит.

– Я вас добавлю. – Я миролюбиво склоняю голову. – На собрании будет ваша супруга?

Каюсь, не удержалась и сделала акцент на слове «супруга» чисто из вредности.

– Нет. Она в отпуске, – объясняет он и как бы нехотя, добавляет: – Я приду.

– Отлично! – Я не смогла удержать плотоядную улыбочку. – Тогда у меня к вам будет отдельная просьба. Прихватите с собой кое-какой инструмент. У нас половина стульев расшаталась. Дети скоро будут на полу уроки учить. А поскольку папы у нас не частые гости в школе, будем вас эксплуатировать по полной программе.

– А как же школьные мастера? Руки не доходят?

– Должность вакантна с прошлого года, – широко улыбнулась я. – Интересует?

Макаров улыбается в ответ, смешинки бесятами пляшут в его темных глазах.

– А как же! всю жизнь мечтал поработать школьным слесарем! Попридержите до моей пенсии.

– Это вы не по адресу. Но наш директор, Анна Олеговна, уверена, учтет ваше желание.

– Не имею чести быть знаком с вашим уважаемым директором, – развел руками мужчина.

– Попросите Еву Аркадьевну вас познакомить. Она частый гость в ее кабинете.

Мой тонкий намек на толстые обстоятельства Андрей просек и, миг став серьезным, неожиданно произнес:

– Я хотел бы извиниться перед вами, Полина Геннадьевна.

– Не стоит...

– Стоит. Я был несдержан и некорректен по отношению к вам при нашем первом общении.

Я растерялась, не зная, что ответить. Андрей тип скользкий, себе на уме, и сомневаюсь, что его извинения искренни. Люди его профессии после долгих лет службы зачастую теряют это качество. Но, с другой стороны, не думаю, что у него есть ко мне какой-то интерес. Кажется, я слишком подозрительно стала относиться ко всему. Паранойя?

– Я не держу зла, – кивнула в ответ и бросила взгляд на часы. – Простите, но мне уже пора бежать. Пока мы с вами

разговаривали, Максим там под дверью извелся.

Максим, как оказалось, не так уж и извелся. Он спокойно сидел себе, подпирал портфелем дверь и играл в телефон.

Первым порывом было отобрать у него гаджет, но я усиленным воли постаралась сдержаться. В памяти свежо воспоминание о том скандале, который закатила мама Максима, решив, что я ущемляю ее дитяtko.

– Доброе утро, Максим! – приветливо поздоровалась я.

Мальчик тут же спрятал свой телефон и поздоровался, даря тепло своей искренней улыбки.

– Как настроение? Готов к контрольной?

Он пробормотал что-то похожее на «угу» и быстро, словно задания по математике могут его укутить, раньше времени метнулся к своему месту, деловито раскладывая на парте свои вещи.

– Тебя сегодня папа привез? – не смогла сдержать любопытства.

– Ага. Я пока у него живу.

Вот оно как...

На душе потеплело. Самодовольный майор все же прислушался к словам училки? Или просто решил, что пора наладить отношения с сыном?

От последней мысли настроение заметно приподнялось.

– Максим, – негромко позвала я мальчика. – Как у тебя сегодня с домашней работой?

– Сделал, – посяял он.

– Давай посмотрю, – кивнула на переднюю парту.

Пока еще не появились остальные ученики, любопытно посмотреть, отчего же Макс светится, точно уличный фонарь.

Открыла тетрадь и уставилась на неровные каракули Максима.

– Сам делал? – подозрительно уточнила, строго глядя на мальчика.

– Угу. Папа помогал.

Перелистываю страницы, потом подтягиваю к себе клетчатую тетрадь по математике.

Что ж, гражданин начальник все больше прибавляет себе баллов.

Видно, что занимался. Пусть упражнения выполнены с ошибками, помарками, местами вообще все перечеркнуто, но Макс все писал сам. Заметна кое-где и рука взрослого. Так отец пытался его направить в нужное русло.

– Молодец! – искренне похвалила мальчика и вернула ему тетрадки. – «Окружающий мир» учил?

Он понуро опустил взгляд.

Понятно. Папе Андрею предстоит долгий путь, если он не струсит и продолжит двигаться в нужном направлении.

У мамы Макса в вообще своеобразное представление о том, как должен учиться ее ребенок. Она не заморачивается. Делает за него всю домашнюю работу, заставляет переписывать и искренне думает, что он самый прилежный ученик на

свете.

И когда я спрашиваю у Максима, как он решал тот или иной пример, он просто глупо хлопает симпатичными глазенками, повторяя, что не знает: делала мама.

Рабочий день как всегда пролетел незаметно. В школьной суете мгновенно пронеслось пять уроков самого сложного дня в неделе – четверга.

Накопившаяся усталость давала о себе знать, и я, отпустив ребят по домам и забив на внеклассную работу, решила, что на сегодня мой рабочий день окончен.

Анна Олеговна, добрая душа, только бросила взгляд на мою бледную физиономию и, махнув рукой, отправила домой отсыпаться.

– И завтра чтоб как огурчик была мне! – строго-настрого приказала директриса. – Сделай уже, в конце концов, что-то со своей этой бессонницей. Пустырничку попей. Смотреть на тебя больно!

На улице сегодня ветрено и прохладно, после обеда небо заволокло темными тучами. Весенняя погода очень переменчива, и сейчас очень жалею, что не захватила с собой плащ, потому что, не успела и двух шагов сделать по направлению к остановке, как начался дождь.

Поначалу редкие холодные капли перерастают в настоящий ливень.

Я почти бегу, вздрагивая от пронизывающего ветра, и тут носок моих удобных туфель цепляется за корень дерева, что

взбугрил старый асфальт.

С коротким воплем неловко взмахиваю руками и падаю прямо на колени, едва успев выставить вперед ладони. Кожу рук моментально обжигает острой болью.

– Черт!.. – шиплю сквозь зубы, злясь на дождь, на себя и на эту дурацкую ситуацию.

Коленьями тоже хорошо приложилась. Подниматься больно.

Серые брюки порваны и испорчены, с ладоней капает кровь.

А так хорошо все начиналось!

Тянусь за свой сумочкой, что улетела в кусты, но не успеваю сделать и шагу, как меня перехватывает чья-то твердая рука.

– Полина, с вами все в порядке? Сильно ушиблись?!

Перед глазами мелькает знакомый школьный рюкзак – это Макс побежал спасать из кустов мою сумку.

– Да как вам сказать... – морщусь я и перевожу взгляд на обеспокоенного Макарова.

И как он тут оказался?

Ах, да! Макса забирал.

– Пойдемте ко мне в машину. – Он увереннее перехватывает меня и кричит сыну: – Макс, нашел сумку?!

– Нашел!

Я пытаюсь что-то протестующе мявкнуть, но майор непреклонен. Усаживает меня на переднее сиденье, сам при-

стегивает. После проверяет, пристегнулся ли сын, и, выдохнув, деловито спрашивает:

– У вас дома есть чем обработать ссадины?

Заторжено киваю, едва сдерживая желание по-детски вытереть кровь об испорченные брюки.

– Вы же где-то тут поблизости живете? Диктуйте адрес.

Я слишком устала, чтобы спорить и пытаться отстоять свое право на самостоятельную транспортировку до дома. Хочется ему меня отвезти – путь везет.

Глава 6 Андрей

Снежная Королева давно не живет в замке из хрустала. Нынче она обитает в скромной однокомнатной квартире старой застройки с ржавыми трубами и прогнившими деревянными окнами.

Пенсионная двухэтажка давненько нуждается в серьезном капремонте и, глядя на оставленные водой из-за протекающей крыши разводы на беленом потолке, я думаю о том, что Снежная Королева могла бы найти себе жилище лучше этого.

Хотя кто я такой, чтобы судить?

Зажрался ты, Макаров! Ох, зажрался!

Саму Полину Геннадьевну бедность ее жилья ничуть не смущает. В целом ей и нечего стыдиться: в комнатах прибрано, на кухне и вовсе почти стерильно – не то что в моем вечном свинарнике.

Макс с интересом озирается по сторонам, таща на кухню мешок с медикаментами, что я купил по дороге, и с удивлением спрашивает:

– Полина Геннадьевна, у вас часы классные. – Тычет пальцем на любопытный домик на стене. – Там есть кукушка?

– Макс! – шиплю на него я, но Полина с легкой улыбкой отвечает:

– Если хочешь, можешь посмотреть. Только чуть попозже.

В туалет хочешь?

Сын кивнул и с утроенной скоростью поскакал к дверке, что указала девушка. Мне стало втройне стыдно: Макс тут терпел, пока я ремонт оценивал.

– Ладони промойте. – Раскладываю на столе перекись, бинт и пластырь. – И обработаем ваши раны.

– Не стоило так утруждаться. Вы совсем не...

– Мне не сложно, – решительно пресекаю поток ее слов. – Я тоже руки помою. Ванная там?

В ванной у Полины все так же скромно, как и в остальной квартире. Когда я жил с Евкой, то вся ванная комната «трешки», что подарил ей отец на свадьбу, была заставлена всякой косметической дрянью.

Тут же я увидел только шампунь для волос, зубную пасту и жидкое мыло... детское. Особым удовлетворением стала зубная щетка в стакане в одном экземпляре. Значит, живет она одна.

Данное открытие приободрило.

Глянул на себя в зеркало – на роже нарисовалась тупая улыбочка.

Старый дурак!

Когда я вышел из ванной, Полина уже успела переодеться. Сменила испорченный костюм на какой-то длинный и просторный балахон, что способен убить любую мужскую фантазию.

– Я посадила Максима смотреть атлас с животными, –

негромко произнесла она, когда я усадил ее на стул и принялся обрабатывать ладони.

Ободрала она их знатно! Возможно, даже первое время, как затянет корочкой, будет больно ручку держать.

Пока я крепко забинтовывал ладони, она стоически терпела боль. Ни одного малодушного писка не слетело с ее губ, только лицо стало чуть бледнее обычного.

– Не туго?

Она покачала головой, и непокорная светлая прядь выбилась из растрепавшейся прически, упав на тонкую шею.

Как идиот, уставился на изящный изгиб, тонкие ключицы и понял, что попал. Она заводит меня даже в этом страшном тряпье.

Полина поймала мой взгляд и на мгновение вспыхнула румянцем, а после медленно высвободила ладони.

– Поставлю чайник. Максим совсем продрог.

– Я сам. Где у вас чай?

Хозяйничать на кухне Снежной королевы оказалось не так уж и легко. Вероятно, она из тех женщин, что не может сидеть на месте, пока другие работают.

Подскочила со стула и принялась суетиться около плиты, путаясь под ногами. Я оттеснил ее одним строгим взглядом и поставил сахарницу на стол.

Кофе у нее обнаружился только растворимый. Но я не привереда. Попью и такой.

И снова это настойчивое ощущение дежа вю. Никак не

уходит из головы мысль, что где-то я уже Полину раньше встречал. Мне все кажется знакомым: ее тонкий негромкий голос, легкий прищур светлых глаз, царственная осанка.

– У меня совсем ничего нет к чаю, – вздохнула она и подняла на меня взгляд.

Кристалльная голубизна ее глаз, казалось, заглянула прямо в душу, и я внезапно вспомнил такой же момент: кухня, кофе и девушка с вот такими же глазами. На самом деле такой цвет встречается не так уж и часто. И, глядя на Полину, отчего-то вспоминаю другую девушку, совершенно не похожую на нее, – Элю.

Три года прошло. Я и думать забыл о ней.

Всматриваюсь в лицо Полины, что сидит напротив. Глаза похожи, брови, ресницы длиннющие, губы, а нос не такой. У Эли он был не так тонок, скорее, длинноват, из-за чего она походила на лису. Такую пухленькую, хитрую лису.

– Не беда.

– Максим со школы голодный.

– Сейчас мы его в магазин пошлем. У вас на первом этаже есть. Большой уже парень. Справится.

Полина бросила на меня быстрый взгляд из-под ресниц, и мне почудилось в нем скрытое одобрение.

Я уже обратил внимание, как она относится к моему сыну. С теплотой. Ее лицо в такие моменты разглаживается, из глаз уходит ледяная колкость. С детьми она более открыта, естественна и добра.

Понятно, почему Макс ее так любит.

– Я так вас и не поблагодарила за чудесное спасение, – едва за Максимом захлопнулась дверь в прихожей, произнесла Полина, нервно покручивая кружку в руках, – Спасибо большое.

– Пустяки.

– У вас наверняка полно своих дел...

– Какие у нас с Максом могут быть дела? Только если уроки.

Она словно улыбнулась каким-то своим мыслям и произнесла:

– Я сегодня посмотрела его тетради и была приятно удивлена.

– Чего ж там приятного? Максовы каракули? – скривился я.

– Вот именно. Видно, что он все делал сам, старался, – пояснила она, заправляя выбившийся из прически локон за ухо. – Это большой плюс.

– Вы меня хвалите? – хмыкнул я.

– Я хвалю Макса, а вам выражаю свое одобрение, – царственно кивнула она, снова вызывая улыбку. – Мальчику не хватает родительской любви.

– С чего бы? – удивился я. – Ева его с ног до головы облизывает. Дед с бабкой скачут на задних лапках.

– Я сказала «родительской». – Полина бросила на меня снисходительный взгляд. – А родители – это не бабушка с

дедушкой, а мама – это только половинка, причем меньшая, так как любой мальчик, прежде всего, тянется к папе. Папа – это первый и главный пример для подражания.

– Не думаю, что смогу стать хорошим примером, – попытался коряво пошутить я.

– Поверьте, вы не самый худший. Все гораздо печальнее, когда этот пример ведет асоциальный образ жизни или его вовсе нет.

– Мне сложно найти с сыном общий язык, – не зная, зачем, признался я, – Иногда мне кажется, что я в его жизни пустое место. Вы же знаете мою бывшую жену и их семейку?

Девушка кивнула, а я продолжил откровенничать:

– Маленьким его совсем не помню. Работа, дежурства... затем развод. Им занималась всегда жена и... вырастила свою маленькую копию. Гены Кутовых рулят.

– Вы ошибаетесь, Андрей, – с грустной улыбкой покачала головой девушка, – Он очень похож на вас.

– Вы думаете?

– Я это вижу.

Хлопнула входная дверь – Макс припер конфет к чаю и печенья.

Пока Полина хлопотала вокруг мальчика, меня мучил другой вопрос, который я осмелился озвучить только тогда, когда Макс, наевшись, свалил в комнату кукушку рассматривать:

– Скажите, Полина, вы с кем-то встречаетесь?

Девушка в ответ на мою неслыханную наглость нахмурилась.

– Бестактный вопрос, Андрей Александрович.

Вот так. Только что был Андреем, и – на тебе! – Александрович!

– Издержки профессии, Полина Геннадьевна, – ухмыльнулся я. – Так как?

– И не подумаю ответить, – внезапно покраснела она. – Зачем вам это знать?

– Вероятно, для того, чтобы пригласить вас составить мне компанию за ужином.

Тонкая рука с аккуратно подстриженными ногтями Полины застыла, не донеся печенье до рта. Ее взгляд, обычно прямой и холодный, стал потерянным, а лицо сразу помолодело на несколько лет, выдавая внутреннюю беззащитность девушки.

– Зачем вы это делаете? – Беззащитность сменилась непонятной мне подозрительностью.

– А что я делаю? – встречаю ее взгляд. – Всего лишь хочу пригласить вас на свидание.

– Я – учительница вашего сына, – холодно напомнила она, поднимаясь и отходя к окну.

– И привлекательная девушка, – напомнил я. – Подозреваете меня в каком-то злом умысле? Напрасно, Полина. Я совершенно обычный человек, несмотря на то, что иногда надеваю форму с погонами.

Она качает головой своим каким-то, известным ей одной мыслям и говорит:

– Я не смешиваю работу и личную жизнь, Андрей Александрович.

– Принципиальная, значит, – усмехаюсь одними уголками губ.

– Да. С молодого преподавателя спрос больше и я не хочу лишиться работы, повинаясь вашему мимолетному желанию провести со мной пару-тройку... вечеров.

– Хорошего же вы обо мне мнения! Думаете, я не способен на настоящее чувство? Не ищу серьезных отношений?

– Главное, что их не ищу я, – ответила она и, глядя на мои удивленно вздернутые брови, продолжила: – Да и вы вполне комфортно чувствуете себя в одиночестве. Разве я не права?

– С чего вы взяли?

– Я неплохо разбираюсь в людях, – пожала плечами она. – Вы, Андрей, одиночка. Вас тяготит даже собственный ребенок.

Мне бы хотелось сказать ей что-то резкое в ответ, высмеять ее слова, но я промолчал, отчетливо понимая, что в данном случае молчание – золото.

С одной стороны, неприятно царапнул ее отказ, да еще и в такой высокомерной манере, а с другой – вызвал уважение. Мне определенно импонирует прямота Полины. Никакого кокетства, глупого хихиканья. Четко и по существу.

Сказала, что думала. Невероятная женщина...

И это в ней привлекает еще больше, окутывает ее образ ореолом тайны, что манит, притягивает, словно магнитом. Хочет ее разгадать, раскусить и познать.

Уверен, жизнь с такой, как Полина, никогда не наскучит, ибо за внешней холодностью скрывается страстная натура.

Ее рука слегка дрожит, выдавая волнение, тонкие ноздри трепещут в такт сбившемуся дыханию, а на дне глаз плещется холодное пламя.

Вот бы только раздуть этот костер!

Смотрю на нее с вызовом, легкой улыбкой и обещанием. Она знает, что не отступлюсь, и от этого злится все сильнее.

Красивая женщина втроене красива, когда в гневе.

– Пап, нам уроки пора делать. – В кухню залетает Макс, разрывая молчаливое противостояние наших взглядов. – Вы с Полиной Геннадьевной уже договорились?

– О чем? – чуть прочистив горло, интересуюсь я у отпрыска, что смотрит на нас как-то слишком хитро.

Полина, может, и не заметила, а я-то хорошо знаю эту хитрую морду!

– О моих дополнительных занятиях. Я хочу хорошо учиться, и только вы, Полина Геннадьевна, сможете мне помочь.

Вот, сына! Вот молодец!

– Я даже не знаю, Максим, – замялась с ответом учительница. – Я не...

– Я буду очень стараться! Честно-честно! – горячо вос-

кликнул Макс, смотря на свою любимую Полину Геннадьевну умоляющими глазами.

Девушка перевела на меня беспомощный взгляд, в надежде, что я урезоню сына, но не на того напала.

Разве я могу упустить эту шикарную возможно сделать наши с ней встречи постоянными?

– Полина, вы сразу не отказывайте. Подумайте. Я не настаиваю, но вы найдете подход к Максиму гораздо быстрее, чем любой другой преподаватель. – И это была чистая правда из моих уст. – Пожалуйста! Я хорошо вам заплачу и...

– Это лишнее, – прервала меня девушка и повернула голову в сторону Макса. – Хорошо. Я подумаю. Давай поступим так, Максим: в течение следующей недели ты будешь стараться на уроках, поднимать руку, выходить к доске, а также делать домашнюю работу сам.

– Сам?! – ужаснулся мальчик, – Даже без папы?!

– С папой можно, с мамой нельзя. Так тебя устроит?

Малец закивал растрепанной головой.

– Если будешь стараться, то я тогда распишу на лето график наших занятий. Договорились?

– Ура!!! – завопил сынуля.

И я бы заорал вместе с ним, но кто-то из нас же должен быть взрослым?

Глава 7 Поля

Когда я, наконец, закрыла за Макаровыми дверь, на улице уже стемнело.

Это парочка – отец и сын – удивительно наглые личности. Не вытолкаешь за дверь, пока не добьются своего.

Сегодня я дважды изменила своим принципам: первый раз – когда позволила Андрею отвезти меня домой, а второй раз – согласилась стать репетитором Максу.

Лишь бы потом эта внезапная слабость не вышла мне боком. Отчего-то мне кажется, что госпожа Кутовая будет не сильно рада нашим занятиям. И надолго ли хватит самого Макарова в его внезапном порыве заниматься ребенком?

Время покажет. Могу лишь надеяться, что в своей характеристике Андрея я действительно ошибаюсь и из него выйдет любящий и заботливый отец.

Лучше поздно, чем никогда. Пацана должен воспитывать папа, и если Макаров захочет, то вполне справится с этой обязанностью.

Другое дело – интерес мужчины ко мне. Я покривлю душой, если скажу, что его слова оставили меня равнодушной. Я тоже женщина, и в глубине души мне приятно внимание. Но Макаров – последний мужчина, чье внимание мне необходимо, и дело даже не в том, что у нас с ним в прошлом было знакомство, а в том, что он мне действительно нравится.

ся. И если бы я не боялась вновь увязнуть в отношениях, то, возможно, согласилась бы на свидание с ним.

После Кирилла у меня долго не было мужчин.

Пусть он и считает меня предательницей, но его я по-прежнему любила.

В первый год работы в школе за мной начал ухаживать молодой преподаватель географии Егор – симпатичный, веселый, неженатый. Он был хорош всем, кроме одного: не было в нем того внутреннего стержня, что всегда привлекал меня в мужчинах. Всего пара встреч, и я поняла, что внимание Егора меня тяготит.

– Дура ты! – высказалась как-то на корпоративе подвыпившая Анна Олеговна.

Весь бабский коллектив школы напряженно следил за нашими отношениями и искренне недоумевал: чего мне еще надо?

Я и сама не осознавала этого.

Просто в какой-то момент поняла, что не могу видеть добродушные, глядящие со щенячьей преданностью глаза Егора, отвечать на его поцелуи и пытаться изобразить в постели хоть какую-то страсть.

Наш неудавшийся роман довольно быстро закончился, а Егор вскоре утешился и женился на миловидной продавщице из продуктового магазина напротив.

Я же больше не хотела испытывать судьбу и завязывать отношения, даже для разового секса. Городок маленький –

слухи быстро расползаются, а мне с детьми работать.

Ухажеры, конечно, были. На свидания приглашали, цветы дарили, но я привыкла отказывать с привычной вежливой улыбкой, ссылаясь на занятость.

И ведь ни капли не кривила душой!

Директриса, когда поняла, что я безотказная, стала заваливать меня работой по самые уши: то отчеты, то факультативы, кружки разные. Но я не жалуясь. Работа с детьми мне в радость.

Едва я убрала со стола крошки, оставленные Максом, и отправила кружки в мойку, в дверь позвонили.

Гостей я сегодня не ждала, но был один человек, который мог ввалиться ко мне без предупреждения в любое время суток.

– Полька, привет! – с порога набросилась на меня с обнимашками Вика.

– Привет, – просипела я, отбиваясь от ее рук. – Пусти, задушишь.

– Не ворчи, – надула и без того надутые губы подруга. – Давно не виделись.

– Целую неделю, – ехидно заметила я. – Как Европа?

– Отпад!

Вика плюхнулась на табуретку, на которой всего полчаса назад сидел Макаров, и подозрительно прищурилась:

– У тебя мужик, что ли, появился?

– С чего ты взяла? – удивленно вскинула брови я.

Подружка ткнула пальцем с драконьим когтем в мойку с грязной посудой:

– Ты не одна пила кофе, и мужским одеколоном воняет. Или ты мне изменяешь с другой подружкой?

– Да ты просто гений дедукции! – закатила глаза я. – Чай будешь?

– Не, – покачала темной макушкой Вика. – Я с собой принесла. Покрепче.

Она ловко выудила из модной сумки бутылку белого вина и приказала:

– Тащи стаканы! Будем мужикам кости мыть.

О, боже! Это точно надолго...

Пока я ищу штопор и вожусь с бутылкой, Вика становится у приоткрытой форточки и, прикурив тонкую сигарету, делает длинную затяжку.

– Хочешь? – спрашивает она, хотя знает, что я откажусь.

С той поры, когда мы вместе работали в ночном клубе, я поменяла многие свои привычки, в их числе был отказ от сигарет.

– Нет, – качаю головой я.

– А выглядишь так, словно хочешь, – ехидно поддевает она. – Ну, рассказывай, кто он – тот красавчик, что вьется вокруг тебя.

Я со вздохом опускаюсь на табурет и вымученно смотрю на Вику.

– Ты ведь не отвяжешься от меня? Да?

– Давай-давай выкладывай!

Пока вино тонкой струйкой течет из горлышка бутылки в бокал, я мысленно перебираю подробности нашего с Макаровым первого знакомства.

Он тогда только начал захаживать к нам в клуб и зависать в кабинете Кирилла, а я едва освоилась в должности администратора.

– Помнишь, мужик к нам по воскресеньям ходил? Мент в кожаной куртке.

Вика нахмурилась.

– Припоминаю такого. Андрей, кажется.

– Да, – киваю я, – Андрей. Так вот, он сейчас сына ко мне в класс водит. Представляешь?

– Вот так совпадение! – Вика округлила и без того большие глаза. – Это он, значит, к тебе клинья подбивает.

– Не то чтобы подбивает...

– Ох, ты, мать, не юли! Он еще тогда три года назад на тебя облизывался. Все у девочек выпрашивал, как бы с Элей поближе познакомиться. Они ему тактично объяснили, что ты с клиентами ни-ни. С боссом встречаешься.

– Вик, он меня не узнал, – сообщила я, отпив из бокала немного вина.

– Да ладно! – расхохоталась низким грудным смехом подруга. – Серьезно?! И ты, конечно, решила сохранить интригу, подруга?

Я только несмело кивнула, отчего-то чувствуя себя очень

неловко.

– Ах, ты, лиса! Признайся: он тебе нравится?

Я молча смотрю на подругу и, чтобы прогнать мысли об Андрее, внимательно ее рассматриваю.

Она все так же красива той необычной яркой красотой, которую так любят мужчины. Высокая, стройная, гибкая, как лиана, с огромными кошачьими глазами и высокими скулами, копной вьющихся темно-каштановых волос, она кажется богиней, сошедшей на Землю. И лишь усталый, печальный взгляд да тлеющая сигарета, зажатая между пальцами, выдают ее земное происхождение.

– Вик, что стряслось?

Подруга тушит окурочек о железную банку и, оттолкнувшись от подоконника, садится за стол. Залпом осушает свой бокал вина и говорит:

– Мы с Димкой расстались.

– Как?! – опешила я, – Как это расстались?!

– Да вот так, – сухо отвечает подруга. – Жениться Дима надумал. Вот только не на мне. На шлюхах они нынче не женятся, а на невинных дочках друзей олигархов. Своего круга присмотрел. Полгода ее, оказывается, окучивал, а я, дура, ни сном ни духом об этой мерзости не знала.

– И что теперь? – с трудом переваривая слова подруги, спросила я.

– А ничего, – хмыкнула она в ответ и посмотрела на меня полными боли глазами. – Можно я у тебя пару дней пере-

кантуюсь? Я из квартиры своей свалила. Там этот козел все ходы и выходы караулит. Достал он меня до печенок! Тварь двуличная! А я еще от него ребенка хотела.

Мне сложно было представить Вику без Димы. Они четыре года были вместе, и, казалось, ни на день не расставались. Димка из уважаемой и очень богатой семьи, а Вика детдомовская, как и многие из нас, кто у Кирилла работал.

Любовь у них была красивая. Ей все девки в клубе завидовали – так за ней Дима ухаживал.

Четыре года совместной жизни, невероятное счастье, идеальные отношения – и вот итог: плачущая Вика у меня на руках, умирающая от предательства Вика...

За все надо платить. Особенно за счастье.

Вику спать я уложила на свою кровать, а сама уселась за кухонный стол и, глядя в окно на унылый, неухоженный двор, принялась медленно потягивать из бокала остатки вина.

Мысли снова кружились вокруг Макарова-старшего.

Руки он мне хорошо перебинтовал, качественно. Почти даже не болит, только вот делать что-то неудобно.

Вот как я завтра буду на доске мелом чертить?

Боюсь, придется утром снять майорское художество и обойтись обычным пластырем.

Вино кончилось, часы перевалили за двенадцать ночи, а, значит, пора уже кончать эти ночные бдения – и спать. Завтра на работу.

Я успела убрать следы нашей скромной попойки в мойку и даже кое-как ополоснуть бокалы, когда экран моего смартфона внезапно загорелся, оповещая о входящем звонке.

Димка объявился.

Быстро же он просек, что Вика у меня!

– Привет, Дим, – сухо поздоровалась я с ним.

– Здравствуй, Полина, – заплетающимся языком промычал он. – Коза моя у тебя?

– Дим, я хоть и из деревни, но сельским хозяйством не увлекаюсь. Да и хлопотно, знаешь ли, козу в квартире держать. Ты что хотел?

– Вику я хотел! – почти прокричал он мне в трубку.

– Если бы ты Вику хотел, она сейчас была бы с тобой, рядом, – терпеливо парировала я. – Я тут при чем?

– Она у тебя?

Отпираться смысла не было. Все равно завтра припрется, как протрезвеет. Подруг у Вики много, но он знает, что зализывать раны она придет только ко мне.

– У меня.

– Позови! – приказал директорским тоном. – Дай ей трубку.

– Дим, она спит. Будить я ее не собираюсь. Оно и мне пора спать. Звони завтра, как протрезвеешь.

Прекрасно зная упрямый характер Димы, слушать его больше не стала и просто отключилась, а затем поставила телефон на беззвучный режим.

Вот теперь можно и спать.

Доза алкоголя в крови все же сделала свое доброе дело: едва моя голова коснулась подушки, как глаза сами собой закрылись, и я крепко уснула без сновидений.

Утром меня разбудил одуряющий запах свежесваренного кофе.

И откуда такая прелесть в моем доме?

Сонно потирая глаза, я прошаркала на кухню и обнаружила суетящуюся у плиты Вику.

– Ты по утрам подрабатываешь волшебницей? – зевая и краем глаза косясь на стопку румяных сырников, поинтересовалась я.

– Я только учусь, но все впереди. Откормить тебя немного надо. Совсем себя замордовала.

Вика ловко перевернула на сковороде новую партию лакомства и поставила перед моим носом чашечку кофе.

– Налетай! – скомандовала она и поторопилась в ванную.

– А ты? – пробубнила я с набитым ртом.

– А я свалю ненадолго. Чует мое сердце, скоро тут Димка объявится. Не хочу видеть его лживую рожу!

– Вик, ты не сможешь от него вечно бегать.

– Я и не собираюсь, – вздохнула она. – Мне просто нужно время, Поль. Ты прости меня за все эти нервяки. Там у тебя на телефоне пятьдесят два пропущенных.

Ох уж этот Дима!

Плотный завтрак неожиданно взбодрил меня.

Сегодня на работу я собиралась более тщательно, чем обычно, мысленно стараясь себя уверить, что я наряжаюсь вовсе не для Макарова, а потому, что вечером родительское собрание.

Сегодняшний костюм, как и почти вся моя одежда, довольно скромен. Лишь нежный светло-голубой цвет придает ему какой-то совершенно не свойственной теперешней мне легкомысленности.

– Вы сегодня шикарно выглядите, Полина Геннадьевна! – улыбается наш школьный охранник. – Принцесса!

– А что сразу не королева? – лукаво щурюсь я.

– Так это у нас Аннушка Олеговна. Всем королевам королевишка! О как! – поучительно поднимает палец кверху Василий Иванович, и мы вместе смеемся.

Мое хорошее настроение заканчивается ровно после третьего урока, когда на перемене я просматриваю домашнее задание Макса и, открыв тетрадь, наблюдаю девственно-чистый лист.

– Максим! – подзываю мальчика к себе. – А где твоя домашняя работа по русскому?

Мальчик сконфуженно молчит.

– Ты почему ее не сделал? Ты же все в дневник записал. Папе показывал?

Несколько мгновений Макс мнется, а после нехотя говорит.

– Папы был вчера занят. К нам тетя Оля приходила.

– Тетя Оля? – переспросила я, не совсем понимая, в чем причинно-следственная связь между какой-то Олей и домашкой Макса.

– Ну да, – кивнул он. – Тетя Оля. Папина невеста.

Я почти физически почувствовала, как краска схлынула у меня с лица.

«Вот так, Поля! Ты тут наряды все утро выбираешь, а у него невеста есть, оказывается!»

Было даже как-то странно, что этот мужчина выделяется среди всего стада баранов. Оказывается, мне только показалось.

Глава 8 Андрей

– Ты меня сегодня удивил, – говорит Оля, разуваясь в прихожей. – Просишь встретиться среди недели. Потом приехать к тебе домой. Может, еще и замуж позовешь, Макаров?

– Прости, Оль, но жениться я не намерен ближайшие лет пятьдесят. – хмыкаю я и забираю у нее из рук сумку с продуктами.

Она окидывает мою физиономию пристальным взглядом и скептически замечает:

– А ты уверен, что столько проживешь? Особенно с твоим образом жизни?

– Тем лучше, – скалюсь в ответ и шуршу пакетом. – Ты что-то вкусненькое принесла?

– Забежала в кулинарию и купила чизкейк. Макс же его любит, по-моему.

Ну, это – по-твоему!

Макс, избалованный домашней едой бабушки, терпеть не может Олькины вкусности из кулинарии.

Зато люблю я. Мы-то не такие балованные.

Хотя на мою стряпню сын не жалуется. Просто у него предвзятое отношение к Оле.

– Пап, может, вы с мамой помиритесь, – периодически подначивает он. – Глянь, какая она красивая у нас! Будем жить вместе. Представляешь, как здорово будет?!

О, да, сынок! Я-то прекрасно представляю, как здорово будет: мама с папой просто поубивают друг дружку, и все!

– Держи направления. – Ольга сует мне несколько больничных квитков. – Люди знающие посмотрят твоего «трудного» и все объяснят. На коньяк только не жмоться, как ты обычно это делаешь.

– Коньяк детскому доктору? – прифигел я.

– Поверь, они тоже люди! – фыркает Ольга и скрывается на кухне, где уже надутый, как индюк, сидит над миской гречневой каши Макс.

Уроки он делать сам отказался без меня и демонстративно утроил бойкот Олиному приходу.

Надо отдать должное моей подруге: она честно пытается найти подход к Максусу, но тот, словно ежик, сворачивается в такие моменты в колючий клубок и не подпускает ее к себе ни на шаг.

Пока Оля деловито хозяйничает на моей кухне, сын уходит в комнату, где без зазрения совести включает на всю катушку очередную битву в компьютерную игру полупридурковатого блогера.

Устраивать скандал на глазах женщины совсем не хочется, поэтому я, нервно хватая пачку сигарет ухожу на балкон, где с каким-то извращенным удовольствием затягиваюсь, малодушно желая свалить куда-то из собственной квартиры.

– Что-то случилось? – раздается голос Ольги за спиной.

Оборачиваюсь, на мгновение, пробегаясь по голым Олькиным ногам оценивающим взглядом.

«Вот, казалось бы, чего тебе еще, придурок, надо?! Красивая баба сама к тебе приехала, ластится, жметесь, заигрывает, а тебе, дубине, хоть бы что!»

Я уже знаю ответ, и кроется он в голубых глазах Полины Геннадьевны, и сейчас Оля, прижимающаяся внушительным бюстом к моей спине, почему-то не привлекает, а, напротив, раздражает.

– Что-то не так? – Подруга женщина умная и все подмечает.

Я делаю затяжку, стряхиваю пепел и поворачиваю голову.

– Да, что-то запуталось все как-то в последнее время, – уклончиво отвечаю я, не зная, как сказать ей дальше, что не хочу больше встречаться.

Олька хорошая.

У нее за плечами ранний неудавшийся брак, парализованная мать на руках и много всяких «тараканов» в голове, которые мешают ей завести нормальные отношения. И обидеть ее вовсе не хочется, но, кажется, все же придется.

– Ты, Макаров, не юли, – внимательно, но не зло смотрит Олька. – На тебя это не похоже.

Снова отворачиваюсь и, чувствуя, как руки женщины соскальзывают с моих плеч, забирая с собой совсем не нужное мне тепло, устремляю бесцельный взгляд на соседние балконы.

– Ты любила когда-нибудь, Оль? По-настоящему?

Она становится рядом и, облокотившись о перила балкона, забирает у меня из рук сигарету. Делает жадную затяжку и отвечает:

– Любила. И что с того?

– А я – нет.

– Ты не много потерял, хочу тебе сказать, – усмехается она. – Это только поначалу круто.

– А потом – не очень? – толкнул ее плечом в плечо.

– Капец как «не очень»! – хмыкнула Олька. – Ты что ж, Макаров, уже и кандидатуру приметил?

Я вздохнул, посмотрел на свежее весеннее небо, словно прогретое солнцем, и неосознанно улыбнулся.

– Приметил.

Олька некоторое время молчит, и мы на пару гипнотизируем все тот же двор, всю ту же детскую площадку, проходящих мимо людей.

– А знаешь, я даже рада, – наконец, говорит она.

– Почему? – удивленно смотрю на нее.

– У нас с тобой бы все равно ничего не получилось. Слишком мы, Макаров, похожи. Притягиваются только противоположности.

– Никогда об этом не задумывался.

– Расскажешь, кто она?

Дружеский интерес Оли кажется мне, мягко говоря, натянутым. Поэтому качаю головой.

– Прости, Оль, но пока рано.

Она отталкивается от перил и глубоко вдыхает, словно нарочно привлекая внимание к обтянутой тонкой футболкой груди, и говорит с вполне объяснимой горечью:

– Ну что ж, тогда я, пожалуй, пойду. Думаю, твой сын будет только рад.

– Прости за Макса...

– Не парься, Андрей, – с показным равнодушием машет рукой женщина, – Уже не актуально. Пусть теперь твоя новая пассия его окучивает.

Хотел сказать, что тут как раз наоборот: это Макс так и вьется вокруг своей любимой учительницы, в рот заглядывает, и только и слышно, что о Полине Геннадьевне, но вовремя передумал.

Бабы народ злопамятный, а Олька хоть и не типичная, но все же баба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.